

На правах рукописи

УДК 165.0/167.1

ЕГОРОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ГНОСЕОЛОГИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Специальность:

5.7.1 Онтология и теория познания

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

- Научный руководитель:** **Романенко Юрий Михайлович**
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»
- Официальные оппоненты:** **Радеев Артем Евгеньевич**
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Шевцов Константин Павлович
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»
- Ведущая организация:** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

Защита состоится «19» июня 2026 года в 17.30 на заседании Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.04, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, Малая Посадская ул., д. 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5 и на сайте университета по адресу: https://dissер.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001228_Disser.pdf

Автореферат разослан ___ мая 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

Евгений Александрович Иванов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования обусловлена трансформациями онтологии и гносеологии в XX веке, поставившими под сомнение адекватность описания того корпуса понятий, который традиционно соответствовал теоретико-познавательной проблематике эстетики, как отдельной философской дисциплины. Появление структурной лингвистики, психоанализа, логического позитивизма и других направлений в системе европейского мышления высветили проблематичность классических отношений знака и предмета, разума и чувства, субъекта и объекта познания. Данные изменения не могли не затронуть эстетику, в самой ранней трактовке определяемую как «низшую гносеологию» (А. Баумгартен)¹. Именно А. Баумгартен вводит эстетику как особую дисциплину, исходя из этимологии греческого слова «αἴσθησις», буквально означающего чувственное восприятие, подразумевая, что она является одним из истоков познавательной деятельности.

В классической кантовской трактовке эстетика предстаёт как сфера допонятийных суждений, область чувств, превышающих в своей рефлексии ощущения, но при этом служащая основанием деятельности рассудка и разума. Один из вопросов метафизики раннего Нового времени: как возможна связь субстанции мыслящей и субстанции протяжённой И. Кант решает постановкой на место связующего звена эстетики, являющейся «мостом» между способностями субъекта по отношению к свободе (воля) и необходимости (природа). Именно с этих пор гносеология заключает союз с эстетикой. В этом смысле теория познания может свободно развиваться в отрыве от эстетической проблематики, в то время как сама эстетика из сферы теории познания, принадлежащей науке, укрепляется в искусстве как сфере свободных допонятийных суждений о прекрасном и возвышенном. Тем самым происходит своеобразная деонтологизация процесса познания, что в последствии породило новые философские затруднения.

Так, сторонники позитивизма полагали, что самоочищение науки от метафизики может дать доступ к достоверному и непротиворечивому знанию, однако реализация этого проекта натолкнулась на целый ряд фундаментальных проблем (в основном, в сфере лингвистики и семиотики), демонстрирующих более сложный характер отношения онтологии, гносеологии и эстетики, чем это было принято считать. Система знаков, понятийный аппарат теории познания, подменяет ту функцию, которую должна была бы выполнять эстетика как дисциплина опытного базиса науки. Мышление, в таком случае, становится тавтологичным, отсылая знаки к знакам, а

¹ Баумгартен А. Эстетика // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. М.: Академия художеств СССР. 1964. С. 452.

не к некоему допонятийному (т. е. непосредственному, внедискурсивному) чувственному основанию познания. Эта же проблема обострилась и в отечественной философской традиции, примером чего, пусть и с определёнными оговорками, может служить полемика М. А. Лифшица и Э. В. Ильенкова о статусе познания в перспективе отношения идеального и материального.

После этого судьба эстетики стала не столь определённой, особенно в новейшее время. Некоторые сейчас стремятся заменить её на так называемые «трансэстетику» (Ж. Бодрийяр), или же «гиперэстетику» (А. Крокер и Д. Кук), но суть этой подмены наименований, зачастую, не ясна, а ценность сомнительна, что вызывает очередной виток дискуссий о терминах и о сути данной проблемы. Всё это не решает принципиального вопроса: каким образом эстетика всё ещё остаётся эстетикой (как философской наукой о чувстве вообще) и как теперь она способна (и способна ли вообще) связать опыт и знание, а на более глубоком уровне, мышление и бытие? Конкретизируя эту диспозицию, можно сказать, что она порождает некоторые сомнения, вызванные следующим вопросом: что если само понятие опыта, эмпирики как чувственного познания ограничено в языке, ориентированного на метафизическую установку постулирования данных понятий, но неспособного их обосновать? Что если эстетика лишь сфера неправомерного проецирования понятий и логических отношений в область эмпирических данных, с невольной претензией на их априорности? Как следствие, опытному познанию уже нельзя доверять в полной мере, так как оно оказывается зависимым от внешних к нему установок.

Всё это указывает на необходимость пересмотра классических отношений онтологии, гносеологии и эстетики, как форм европейского мышления. В общем виде, нынешний кризис отмеченных выше эпистем проистекает из ситуации, которую можно охарактеризовать как концептуальную дисфункцию базовых (эстетических) положений гносеологии в ситуации деонтологизации, вызванной внутренними проблемами эстетики, или, иными словами, отсутствие решения проблемы гносеологии эстетического опыта. Отсутствие ясности в этом вопросе, по указанию Ж. Бодрийяра, создаёт ситуацию «флотации теорий» (т. е. плавание на поверхности теории, без возможности прояснения их ценности через внешнюю инстанцию опыта), утрату механизма их работы.

Данная тема соответствует паспорту специальности ВАК РФ 5.7.1. «Онтология и теория познания» имея отношения к пунктам 1, 2, 3, 16, 28, 30, 32, 37, 40.

Степень разработанности темы исследования характеризуется весьма обширной и обстоятельной базой работ, ввиду высокой актуальности рассматриваемой проблемы.

В частности, проблема европейского мышления и его отношения к опыту в формулировке, затрагивающей вопрос о примате эстетического, была проанализирована Ч. Н. Кокрейном. В дальнейшем, его положения были развиты А. Крокером и Д. Куком. Несмотря на специфичность их взглядов, они коррелируют с идеями представителей иных концептуальных направлений, таких как П. Дюгем, М. Бергло, Т. Иглтон и др.

В качестве предметного основания исследования проблемы европейского мышления выступают классические работы античности, в которых эта тема представлена. Примерами авторов, на основе которых формулируется картография затруднений античной эпистемы являются: Геродот, Гиппократ, Гераклит, Платон, Аристотель, Л. А. Сенека, Эпикур, Вергилий, Лукреций, Диоген Лаэртский. На основе этих первоисточников анализируются основания кризиса европейской рациональности в её начальной фазе.

Анализ предварительного решения проблемы европейского мышления и наиболее ранняя категоризация опыта как активного познавательного акта исследуется на материале ряда работ средневековых христианских мыслителей. К их числу относятся: К. Тертуллиан, Августин Аврелий, Г. Палама, М. Лютер. В работе этих авторов обнаруживаются попытки преодоления античной формы кризиса европейской рациональности. Наследие указанных средневековых авторов реактуализируется и анализируется в работах К. Шмитта, Ж. Деррида, Дж. Ваттимо и Р. Отто, у которых христианское представление об опыте и о его онтогносеологический статус получает новое неклассическое и постнеклассическое прочтение.

Непосредственно само исследование эстетической проблематики и её связи с гносеологией через категорию опыта базируется на ранних эстетических представлениях А. Баумгартена, И. Канта и Г.Ф.В. Гегеля. Обращение к ранней эстетике обусловлено тем, что она ещё не окончательно углубилась в тематику «философии искусства», в связи с чем в большей степени концентрируется на проблеме эстетики как «низшей гносеологии». Ранняя система эстетических воззрений проанализирована в контексте работ следующих авторов: Р. Декарт, Х. У. Гумбрехт, Б. Кроче, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, Р. Рорти, А. Кожев, Р. Отто, М. Шелер, Дж. Дьюи, Ж. Деррида, С. Жижек, Ж. Лакан, О. Сакс, М. Фуко, М. Турнье, М. Хайдеггер. Именно на основе идей этих авторов, применительно к тематике ранней эстетики и формулируется понятие эстетического опыта.

Что касается гносеологии эстетического опыта, её сущности и сферы применения, то прояснение этой темы основано на работах следующих авторов: Ж. Бодрийяр, Т. Кун, М. Полани, Р. Карнап, К. Поппер, П. Фейерабенд, Л. Витгенштейн, У. Куайн, Б. Латур, М. Энафф, Ж. Симондон, К. Мейясу, Н. Ланд, П. де Ман, Ж.-Ф. Лиотар, Х. Блум, Д. Юм. Относительно гносеологии эстетического опыта как стратегии познания используется концепция «патафизики» А. Жарри. В этом отношении существенна связь патафизики с работами Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра.

В рамках отечественной философской традиции эстетическая проблематика освещена в работах М. С. Кагана, В.В. Прозерского, А.А. Грякалова, В.В. Бычкова, С.С. Аверинцева, В.А. Лифшица, А.Ф. Лосева, Д.Ю. Игнатьева, А.Е. Радеева, В.П. Шестакова. Вопросы онтологии и теории познания рассматривались следующими исследователями: В. С. Стёпин, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, С.П. Лебедев, Ю. М. Романенко. Тема отношения теории познания к эстетике получает своего развитие в трудах таких авторов как С.Б. Никонова, Б.Е. Гройс, Г.И. Мусихин.

Объектом исследования является эстетический опыт. **Предметом исследования** выступает гносеология эстетического опыта, т. е. эстетический опыт как фундамент познавательных способностей.

Целью исследования является раскрытие сущности гносеологии эстетического опыта в контексте преодоления кризисных тенденций в сфере познания, характерных для логоцентрической парадигмы классической европейской рациональности, что требует описания стратегии постнеклассических научных исследований.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Сформулировать понятие кризиса классической европейской рациональности в контексте проблемы познания.

2. Рассмотреть эстетику, не столько как философскую дисциплину, сколько как набор концепций и методов, выступающих в роли актуального постнеклассического подхода к решению онтогносеологической проблематики, в перспективе категории опыта.

3. Определить содержание эстетических концепций в контексте теории познания, на фоне тенденции преодоления метафизики, характерной для постнеклассической рациональности XX века.

4. Сформулировать определение гносеологии эстетического опыта и на его основе выявить варианты стратегий познания, дающих онтогносеологические преимущества в условиях кризиса классической европейской рациональности.

Методологические основы исследования. Так как объектом исследования выступают познавательные способности человека как основа для концептуализации явлений внешнего и внутреннего мира в рамках европейской культуры, то одним из методов исследования будет выступать *историко-философский метод*. Данный метод, который по замечанию М. Хайдеггера, проясняет эволюцию философских взглядов на категорию опыта, предполагает трансформацию метафизических позиций, являющихся парадигмами описания тех или иных феноменов культуры (в случае эстетики и гносеологии, а также их взаимосвязи). Уточнением историко-философского метода выступают *историко-эстетический* и *историко-гносеологический* подходы. Обращение к подобным методам определено предметом настоящего исследования, а именно тем, что в работе рассматриваются процессы исторического изменения эстетики и гносеологии как взаимосогласованного развития, согласно тем принципам, которые заложены в указанных дисциплинах.

Поскольку в работе проводятся исследования соотношения эстетики, онтологии и гносеологии, определение их границ и правил соотнесения с опытом, как фундаментальной категорией указанных дисциплин, а также ставится под вопрос их связь между собой в контексте понятия опыта, то следующим походом выступает *критический метод*, являющимся важным достижением европейской культуры, инкорпорированным в саму эстетику и гносеологию. Здесь также необходимо учитывать фактор саморефлексивного применения критического метода в различных модификациях, появившихся в XX веке. В первую очередь речь идёт о *методе деконструкции*, который высвечивает проблему языка в свете невозможности референциальных связей. В связи с тем, что деконструкция подвергается сомнению в качестве метода, была использована её формалистская редукция, предложенная П. де Маном.

Следующим модификатором критического метода выступает *психоанализ*, пытающийся высветить глубинные слои европейской культуры и её отдельных разделов (в частности эстетики и гносеологии). Такой метод позволяет обнаружить неявное содержание указанных дисциплин через анализ их дискурса. При этом сам психоаналитический метод берётся не только в своих базовых формах, но и в модифицированном варианте *ризоматического анализа, т. е. шизоанализа*. Данная модификация является рефлексивным обращением психоаналитического метода к самому себе.

В силу того, что диссертационная работа посвящена концептуализации опыта, важную роль в ней играет *метод структурного анализа*, в част-

ности та его версия, которая была введена в процессе формирования классической лингвистики Ф. де Соссюра и представителями логического позитивизма и постпозитивизма. Указанный метод позволяет исследовать логические отношения и языковые практики, которые применяются в эстетике и гносеологии в отношении опыта.

Ключевую роль в настоящем исследовании играет *герменевтический метод*, позволяющий интерпретировать содержание и структуру эстетики и гносеологии как между собой, высвечивая их глубинную связь, так и с их общей категорией опыта. При этом исходной интерпретационной установкой исследования является идея о том, что развитие эстетики и гносеологии и даже само их формирование носит рефлексивный характер по отношению к возникающим проблемам познания, в самом широком содержательном контексте (как от опыта естественно-научного, так и до опыта социогуманитарного).

Отношения онтологии, гносеологии и эстетики носят диалектически противоречивый характер. Это особенно подчёркивается тем обстоятельством, что эстетика, как философская дисциплина в своих ранних трактовках, противостоит онтологии, хотя, в то же самое время, онтологизирует ряд собственных понятий (субъект, воображение, интуиция и т.п.) с целью придания теории познания целостного характера. В этой связи актуальным становится применение *диалектического метода* для прояснения этих противоречивых отношений. Диалектический метод, как один из наиболее древних методов философии проявился во множестве различных версий в процессе своего исторического развития. В рамках данного диссертационного исследования будет использоваться модель диалектики, которую предложил А.В. Кожев опираясь на гегелевское учение.

Положения, выносимые на защиту:

1. В настоящем диссертационном исследовании опыт исходно определяется как сингулярное событие встречи человека и мира. Данное определение, с одной стороны, связано с традиционным представлением об опыте (в аспекте отношения субъекта и объекта в различных трактовках), а с другой стороны, затрагивает существенную его характеристику — сингулярность, суть которой сводится к требованию комплексного рассмотрения элементов опыта, в их целостной взаимосвязи друг с другом. Под понятием эстетического опыта в работе понимается его трактовка как субъективного представления чувственно данной реальности. В этом заключается различие эстетического и онтологического опыта, где последний всегда понимается в традиционном смысле отношения к реальности, не зависящей от субъекта.

2. Проблема европейской рациональности в отношении познания заключается в невозможности связать в непротиворечивое целое разум (дискурс, логос, человек) и внешнюю действительность (бытие, реальность, природу, мир). Впервые эта проблема проявилась в античности, где опыт стихийно трактовался как кажимость, пустое мнение, которое либо противоположно истине, либо есть первый шаг к ней, но всё же нечто отличное от неё самой. При этом истина полагалась, как нечто принадлежащее бытию помимо субъективного представления.

3. Ранняя средневековая христианская философия, по сравнению с античной, революционно переосмысливает роль опыта в процессе познания. Здесь выдвигается идея о том, что истина и опыт не только не могут быть противопоставлены, но и совпадают в акте субъективного понимания Божественного Откровения (Августин Блаженный). Тем самым средневековая философия сделала существенный шаг на пути прояснения вышеобозначенной проблемы рациональности, наметив новые контуры её осмысления.

4. Проблема соотношения разума и действительности становится общим местом европейской рациональности, своего рода «классическим» затруднением, истоком которого являются следующие предпосылки истолкования опыта: догматические представления о некой реалистичности опыта в качестве его достоверной гарантированности; недооценка субъективности как формообразующего элемента опыта, представление о целостности и статичности как неотъемлемых свойств истинного познания. Лишь в критической философии эпохи Просвещения намечается перспектива отказа от указанных предпосылок.

5. Эстетика, сформировавшаяся в качестве философской науки во второй половине XVIII века формирует новую революционную трактовку опыта. В духе критической философии эстетика исходит из идеи о том, что «бытие есть пустой предикат», тем самым демонстрируя тенденцию деэссенциализации онтологии, а также фиксацию радикальной иллюзорности мира. По этой причине опыт в эстетике далее истолковывается в субъективистском ключе, как воображаемое установление действительности по принципам способности суждения (И. Кант).

6. В рамках анализа классической эстетики XVIII века и в контексте современной философии даётся уточнённое расширенное определение опыта. Понимаемый эстетически, опыт – это точка сингулярного отношения субъекта-ничто (А. Кожев, М. Хайдеггер, М. Шелер) и мира-нечто (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, У. Эко и др.), где первый представляет собой функцию

актуально необусловленного (свободного) формирования дискурса, а второе – чрезмерность хаотичного потока впечатлений, которые схватывает субъект (выступая технически как гений), чтобы редуцировать их к конкретным вещам в процессе творчества, формируя их в дискурсе.

7. В современной гносеологии проблема европейской рациональности строится вокруг рубрики «зеркала природы» (Р. Рорти), которая предполагает, что наука должна достоверно отображать в своём дискурсе реальность. Критика такого представления, указывает на принципиальную невозможность референциального отношения познания к природе, взамен предлагая принцип прагматического конструирования теорий. Исходя из этого предлагается новая постнеклассическая стратегия научной деятельности под названием патафизика – свободное конструирование форм научного творчества так, как если бы речь шла о художественной деятельности.

8. Патафизика может быть рассмотрена как форма стратегии научных исследований. Данное понятие, введённое в обиход А. Жарри (конец XIX века), подчёркивает важность исследования феноменов в их перспективе уклонения от концептуализации, в силу их частного, конкретно чувственного характера; т.е. не в качестве поиска общих предикатов в рамках номотетического метода, а в акценте на идиографический метод. При этом патафизика рассматривается как стратегия, которая уже издавна реализовывалась в научном познании, но скрытым, в полной мере неосознанным образом, требующим раскрытия и признания.

9. Стратегия патафизики сводится к следующим принципам: логичность и согласованность теорий служит лишь критерием их ясности изложения, но не истинности; роль эмпирических исследований определяется *ad hoc*, т. е. не существует непротиворечивого общего вывода о статусе эмпирики; сведение научной методологии к описательным, а не предписательным принципам; обоснование возможности субверсивных теорий (допускающих парадоксальные или контринтуитивные суждения); понимание науки не как инструментально-внешнего феномена, а как глубоко интегрированного в социокультурную систему прагматического процесса; деконструкция понятия прагматической истины в свете её эстетической обусловленности. Исходя из вышесказанного гносеология эстетического опыта заключается в деэссенциализации (деонтологизации) познания, существенном распространении принципа свободного творчества на научную сферу, осуществляемым в рамках постнеклассической рациональности.

Научная новизна:

1. Охарактеризованы причины кризиса европейской рациональности в сфере гносеологии XX-XXI веков. Продемонстрировано, что ряд условий

подобного кризиса прослеживается ещё со времён античности и носят фундаментальный для всей европейской системы мышления характер. Обобщены попытки преодоления негативных тенденций в сфере познания, на основе чего предложен новый подход к трактовке стратегий преодоления причин указанного кризиса, заключающийся в переосмыслении статуса эстетического опыта в теории познания.

2. Уточнено и расширено понятие эстетического опыта в гносеологическом контексте, позволяющее предложить методологические рекомендации для снятия противоречия между дискурсивностью рефлексии и допонятийностью представления, которое активно обсуждалось в контексте лингвистического поворота в философии XX века. Предлагаемый в диссертации подход даёт возможность сблизить позиции сциентистов и социальных конструктивистов.

3. Рассмотрены возможные конкретные способы формализации науки как сферы свободного творчества в рамках общекультурной задачи соединения науки и искусства. Гносеологически оценены контуры возникающей в эпоху постмодернизма исследовательской программы, которая позволяет расширить теоретический инструментарий за счёт изменений его методологических установок, с целью расширения опытной базы научно-практической деятельности.

4. Обоснован эвристический потенциал патафизики, как особой скрытой стратегии научной рациональности. Показано, что патафизический дискурс эксплицирует гносеологию эстетического опыта, обогащая традиционные науковедческие представления. Продемонстрировано, что патафизика в современной постнеклассической методологии выступает в качестве инновационной модели исследовательской деятельности для различных отраслей научного знания, особенно в области социогуманитарных наук.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов состоит в возможности определить сущность и специфику опыта в условиях современного эпистемологического кризиса, вызванного лингвистическим поворотом и методом деконструкции. Гносеология эстетического опыта перезапускает связь эстетической и телеологической способности суждения (И. Кант), указывая на контуры такой методологической практики исследования, которая была бы лишена классических противоречий, наследуемых со времён античности и проходящих сквозь всю европейскую традицию. В работе также исследуется логика развития эстетики, объясняющая её деонтологизирующие (деэссенциализирующие) характе-

ристики и связывающая их с новоевропейской тенденцией критики метафизики, что свидетельствует о педагогической ценности данной работы, позволяющей объяснить последовательность развёртывания философской мысли для слушающих курсы по «Онтологии и теории познания», «Философии науки и техники» и «Эстетики».

Достоверность результатов исследования: Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается использованием признанных общеполитических методов, адекватных предмету и задачам исследования; корректной постановкой проблемы исследования, её последовательным подведением под актуальные реалии современной ситуации в сфере теории познания и методологии науки, анализом источников по теме исследования, встраивания диссертационного исследования в круг актуальных теорий и подходов к рассматриваемой проблеме.

Апробация работы: Содержание и результаты диссертационного исследования были использованы при составлении лекционных и семинарских курсов по эстетике и философии науки в СПбГУП и РХГА им. Ф. М. Достоевского; апробированы в рамках следующих мероприятий: открытая лекция «Роль эстетики в проблеме познания» (в РГПУ им. А.И. Герцена, 30.09.2023. СПб); секционный доклад на конференции "Боги, люди и миры", XXII Свято-Троицкие чтения (РХГА им. Ф.М. Достоевского, 22.12.2023. СПб); секционный доклад на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием НОМО LOQUENS: Язык и культура (РХГА им. Ф.М. Достоевского, 18.04.2024, СПб); секционный доклад на конференции "Боги, люди и миры", XXV Свято-Троицкие чтения, (РХГА им. Ф.М. Достоевского, 30.05.2025); секционный доклад на всероссийской научной конференции "Философия в Царском селе: философия и современный мир" (ЛГУ им. А.С. Пушкина, 28.11.2025, СПб).

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии РГПУ им. А. И. Герцена 28 ноября 2025 года и была рекомендована к защите.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, 10 параграфов, заключения и списка источников. Объём работы: 203 страницы. Список литературы включает в себя 168 источников, из которых на иностранном языке: 10.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, степень научной разработанности, объект, предмет, цель и задачи, используемые методы. Формулируются основные положения и

определяется научная новизна диссертационного исследования, определяется практическая и теоретическая значимость исследования, приводятся данные по апробации результатов работы.

В первой главе «Гносеологическая проблематизация опыта в контексте классической европейской рациональности» решается задача раскрытия сущности проблемы познания в аспекте её эмпирических оснований. Данная тема раскрывается на материалах по античной и средневековой философии в контексте теории Ч. Кокрейна о противоречии опыта и его аналитической рефлексии. Описываются представления об опыте в двух указанных эпохах, проводится анализ противоречий теории познания, присущих основам классической европейской рациональности в сфере соотношения человека и мира.

В § 1 «Осмысление проблемы соотношения опытного и теоретического познания в античной философии» демонстрируется, что практически с самого начала осевого времени, различные культуры, включая европейскую, обнаруживали в отношении между миром и человеком разрыв, несоответствие, указывая на него, как на причину дисгармонии, нарушающую целостность космоса, препятствие на пути постижения мудрости, которая даёт возможность «всем управлять через всё» (Гераклит). Если досократики, по преимуществу, видели решение проблемы данного разрыва между человеком и миром в выяснении структуры самого мира, то сократический переворот состоял в переводе фокуса философского внимания на субъекта и его способности.

Было определено, что выдвигание познания на первое место в проблеме отношения человека к миру приводит к формулировке требования «заботы о себе» (Платон «Алкивиад 1», М. Фуко). Однако забота о себе начинает поляризоваться к заботе о мышлении (идеалистический полюс) и заботе о чувственном восприятии (натуралистический полюс). Первый отдавал предпочтение развитию разума, «созерцанию идей» (Платон) или же постижению категорий природы на пути к постижению Бога (Аристотель). Второй полюс предпочитал развитие этических систем, делающих практическую жизнь как минимум приемлемой, а как максимум, приятной (кинники, стоики, эпикурейцы). Такое деление, основанное на идеях Ч. Кокрейна, весьма условно, но проясняет специфику отношения к мышлению в эпоху античности. В параграфе раскрывается связь между указанными философскими подходами и кризисом греческого полиса в эллинистическую эпоху. Выражающие его активные политические процессы приводят

к «трагическому сознанию поздней античности» (А. Крокер и Д. Кук), вызванного девальвацией практической значимости философии (Вергилий, Лукреций).

Таким образом, античная эпоха сформировала общие представления о теории познания, заложив основы исследовательских направлений. В то же время древние представления об опыте сводят его к кажимости, видимости, формируя имманентные принципы самого европейского мышления в контексте проблемы познания. В качестве обобщающего вывода в параграфе даётся перечень подобных методологических установок:

— гетерономия описания опыта, где последний объясняется через внешние по отношению к нему самому категории, без непосредственно анализа самого опыта;

— невозможность мыслить динамику мира и мышления, как по причине постулирование извечного трансцендентного начала, так и по причине игнорирования свойств субъективного познания (мнение не содержит истину);

— колебания между радикальной статичностью догматизма и радикальной формой скепсиса, где оба полюса равно удалены от признания опыта полноценной категорией познания.

Дальнейшее развитие данной тематики выходит за рамки античной философии и представлено в § 2 «**Переосмысление проблемы соотношения опытного и теоретического познания в философии христианского средневековья**». Здесь показано, что первые попытки решения проблемы европейского разума, выражающиеся в преодолении античных представлений, составляющих имманентные установки классического разума, были даны уже в рамках ранней христианской эпистемы (по оценкам А. Кожева, А. Койре, П. Дюгема). Ядром христианской концепции, относительно проблемы познания, является переворачивание самой постановки проблемы: не субъект должен быть объяснён миром (через внешние категории), в том числе и его познание, а наоборот: субъект может объяснить мир. На передний план выходит категория опыта (Августин Блаженный), где знание и вера отождествляются, а не противопоставляются, при этом вере отдаётся приоритет. Знание становится знанием лишь через операцию субъективной вовлечённости (душевный порыв, акт веры), которая проявляется через внутреннее переживание, т.е. опыт.

В параграфе продемонстрировано, что перед христианством, как и перед античностью, встаёт проблема динамики мышления. Определено, что христианство занимает до определённой степени критическую позицию по отношению к античности (Тертуллиан). Решение унаследованных

проблем осуществляется им через осмысление категории субъекта, основной характеристикой которого является спонтанное отклонение, трансгрессия, переживаемая как чудо, однако индивидуальный субъект способен к такому преображению лишь посредством единого изначального Субъекта (Бога). Решение проблемы античной эпистемы, как это видно из проведенного анализа, порождает уже внутри самого христианства ряд присущих исключительно ему затруднений. Если Бог есть условие трансгрессии за пределы любой сущностной ситуации, значит его обязательной характеристикой является несуществование, сведение к чистой апофатической артикуляции, а единственными позитивными категориями будут категории мистического откровения, нередуцируемые к формальному знанию (Г. Палама).

В качестве вывода было определено, что христианству принадлежит заслуга радикального переосмысления проблемы познания, в частности легитимизации опыта как сферы приобщения к Истине, более взвешенный и внимательный подход к субъективным его аспектам. В то же время, опасность нигилистических трактовок, как возможных интерпретаций ряда мистических аспектов Бога (Дж. Ваттимо), послужили условием того, что данная исследовательская интуиция смогла быть полноценно реализована лишь в Новоевропейский период. В то же время, христианская философия позволила высветить специфические условия осуществления имманентных установок европейской рациональности, без анализа которых невозможна адекватная интерпретация развития секулярной философии в свете исследуемой проблемы. Такой анализ осуществляется в § 3 **«Проблема познания как внутреннее ядро классической европейской рациональности»**. В данном параграфе проводится сравнение античной и христианской эпистем и их уточнение в контексте методологического аппарата современной философии. Это даёт возможность понять, что условия кризиса теории познания XX-XXI веков скрыто действуют со времён античности, составляя недостаточно отрефлексируемый аппарат самого европейского мышления, симптомами которого выступают игнорирование сингулярного характера опыта (Августин, Ж. Деррида) и недооценка субъективности в силу её апофатичности (Г. Палама, А. Кожев, К. Шмитт).

Анализируя сущность имманентных установок, делается вывод о том, что структурным ядром европейской рациональности, позволяющей ей восстанавливать себя даже в ситуации существенной критики, является структурно обусловленное желание доступа к «хорошей форме» мышления (логоцентризм): непротиворечивой, целостной и полной (Ж. Лакан).

Поэтому любая критика такой рациональности не упраздняет, а парадоксальным образом усиливает её негативные тенденции: принципиальная недостижимость «хорошей формы» истолковывается как слабость мышления, которую возможно или невозможно преодолеть, но сама идея данной формы никогда не оказывается в фокусе критики (Дж. Ваттимо).

Из этого следует обобщающий вывод по первой главе о том, что каждый раз, когда европейское мышление наталкивается на противоречия в системе познания, оно повторяет кокрейновский цикл колебания между радикальной статичностью догматизма и радикальной формой скепсиса, итогом которого является перманентный кризис мышления, поочерёдно переходящий из латентной фазы в открытую.

По этой причине требуется переосмысление самих условий этого кризиса на иных основаниях, предлагаемых в рамках эстетической парадигмы, чему посвящена **вторая глава «Отношение эстетики к проблеме познания в европейской рациональности»**. В ней решается задача рассмотрения эстетики как актуального подхода к анализу проблем, проанализированных в первой главе настоящей работы, а также конкретизируются некоторые понятия и установки эстетики в контексте методологических и теоретико-познавательных тенденций современной философии. Материалом для главы послужили работы по классической эстетике, а также их современные интерпретации. В главе представлена оценка эстетики как особой парадигмы теории познания, определены элементы эстетического опыта и даны его основные характеристики.

В § 1 «Эстетика как проект критической философии XVIII века» описывается зарождение эстетических представлений. Термин «эстетика» вводит А. Баумгартен в середине XVIII века, придав ему значение «низшей гносеологии». В эстетике чувственная данность вещей — свойство человеческих познавательных способностей, а не их самих. Таким образом, эстетика определяется как принципиальный выразитель деонтологизирующей тенденции критической философии Просвещения, которой придерживался и И. Кант. Из этого следует, что все представления о познании, в том числе и об опытно, делятся на эстетические и внеэстетические (онтологические, или же эссенциалистские).

В параграфе показано, что эстетика занимает одно из центральных мест в трансцендентальной философии И. Канта, чья система представляет особую значимость в силу её влияния на последующую «гносеоэстетическую» мысль (Б. Кроче). Однако, он первоначально определил эстетику в двух, не связанных друг с другом разделах: трансцендентальная эстетика и критика суждений вкуса. При этом трансцендентальная эстетика уже у него

заняла своё место в теории познания, прояснив специфику априорных созерцаний (пространства и времени), как эстетических условий опыта. Критике суждения вкуса, в дальнейшем, досталась роль философии искусства, сведение к которой носит ограниченный характер, что не предполагалось самой кантовской системой.

Далее в этом параграфе определено, что для выяснения связи эстетики и гносеологии недостаточно одного лишь указания на эту связь в ранних трактовках. Необходимо переосмыслить аппарат эстетической теории в новых условиях, вызвавших кризис познания в XX веке, о чем идёт речь в следующем разделе.

В § 2 «**Понятие субъекта в рамках эстетической философии**» демонстрируется, что данная категория является одной из центральных как для Новоевропейской философии вообще, так и для эстетики в частности, в силу радикальной субъективности мышления, провозглашаемой в этой парадигме. В то же время, категорию субъекта полагают одним из наиболее слабых мест кантовской системы по следующим причинам: она недостаточно развита к моменту окончания его критик (он начал заниматься этим вопросом позже). Кантовский субъект – это субъект «трансцендентальной критической рациональности», и именно это представление о субъекте было раскритиковано психоанализом и другими направлениями, поскольку XX век в целом провозглашает «смерть субъекта» (М. Фуко).

В параграфе производится анализ этих радикальных оценок и манифестов. Кантовский субъект – это субъект критической рациональности, однако уже Р. Декарт ранее определял его через логическое отрицание, несмотря на то что он полагает субъект «мыслящей субстанцией», но в своих математических выкладках он указывает на субъекта как на точку пустоты, «ноль», которая является началом отсчёта в его системе координат. Из этого дальнейшие последователи сделали вывод, что такой субъект – это субъект-ничто. В параграфе описаны следующие ключевые идеи, характеризующие подобный тип субъективности: слепое пятно рефлексии (Г. Гегель); инстанция ничто в Бытии (М. Хайдеггер); не субстанция, а чистая функция артикуляции дискурса (А. Кожев); принципиальная для познания способность опредмечивания и идеации мира (М. Шелер).

Далее в тексте диссертации показывается, что такое логически негативное понятие субъекта весьма близко и для И. Канта, который определяет его, как и Р. Декарт, за счёт артикуляции в поле познания (трансцендентальное единство апперцепции), а не в контексте онтологии. Вместе с тем, определено, что такое понятие субъекта является рабочим и для психоанализа (Ж. Лакан), и более того, данная трактовка субъекта избегает

идеи его «смерти», так как ничто «умереть» не может (А. Кожев). Таким образом, делается основной для параграфа вывод о том, что современное представление о субъекте адекватно вписывается в рамки эстетической парадигмы, и, что особенно важно, имплицитно предполагает именно эстетический способ рефлексии.

Другой важной категорией эстетического опыта, рассматриваемой в **§ 3 «Понятие реальности в контексте эстетической философии»**, является внешний мир. Здесь была рассмотрена следующая идея: основным постулатом трансцендентальной философии является указание на то, что опыт не имеет дело с объективной реальностью. Опыт – это точка сингулярности, где артикулируется субъект и мир как его представление (И. Кант, А. Шопенгауэр). В параграфе это определение конкретизируется: представление о мире не может быть сведено к внеположному созерцанию реального. Опыт имеет аспекты значения и присутствия (Х. Гумбрехт). Анализ показывает, что оба они дискурсивны (Ж. Деррида). Присутствие — не переживание действительности, а допонятийная форма выражения опыта; значение — его понятийное выражение. Однако обе формы выражаются только как форма дискурса (Б. Кроче). Взятые вместе, они демонстрируют радикальную дискурсивность опыта, индуцирующего интуиции и понятия как различные уровни выражения. На основании этих положений делается вывод о том, что опыт в данных трактовках – это то, что всегда сводится лишь к его собственным данным: уровням и формам выражения. Сам же опыт – это сингулярная точка, место взаимной артикуляции представления и представляющего.

Такой вывод подводит к необходимости деконструктивистского рассмотрения уровней выражения, которое осуществляется в **§ 4 «Деконструкция отношения понятийного и допонятийного в эстетике»**. Здесь рассматривается не только эстетика в значении критики суждения вкуса и соответствующие ей уровни выражения, но и трансцендентальная эстетика, описывающая условия опыта в априорных формах созерцания. В параграфе проводится анализ различия между эстетикой как философией искусства (выражение) и как критикой вкуса (чувства и суждения). Делается вывод о мнимости такого различия по причине того, что эстетические суждения уже схватывают свой предмет как искусственный, т. е. дискурсивный (Г. Гегель).

Далее в параграфе рассматривается статус трансцендентальной эстетики. Именно этот раздел кантовского учения обвиняют в неправомерности идеи соотношения внеположного мира (априорных и абсолютных про-

странства и времени) и человеческого познания, т. е. в идее «зеркала природы» (Р. Рорти). В процессе анализа этой критики демонстрируется, что все эти возражения неадекватны, так как в системе И. Канта пространство и время понимаются как постулируемые места расположения дискурса по длительности (время) и по композиции (пространство), но не как додискурсивный исток содержания какого-либо дискурса (Ж. Делёз). Из этого следует, что трансцендентальная эстетика И. Канта не сводится к дискурсу, но и не выходит за его рамки, т.е. она — условие не познания объективной реальности, а дискурсивного восполнения опыта.

Определив, таким образом, статус двух кантовских эстетик, как форм выражения дискурса, появляется возможность определить строгое отношение субъекта и действительности в эстетическом опыте. Анализ этого соотношения даёт следующее: субъект есть результирующая, а не причинная категория для опыта (М. Шелер). Субъект извлекает содержание опыта не из своей пустой сущности, а свободно артикулируется в событиях переживания, происходящих с ним (Ж. Делёз и Ф. Гваттари).

Из вышесказанного делается вывод о том, что субъект-ничто высвечивает творческий принцип эстетического опыта как его фундаментальную характеристику. Само же творчество определяется в параграфе, применительно к эстетическому опыту, как выражение без сущности выражаемого, по причине трансформативности выражения в дискурсе субъекта. Это решает проблему сведения познания к «зеркалу природы» и оторванности от конкретики содержания опыта.

Таким образом, обладая пониманием эстетики как специфической дискурсивной концептуализации опыта, ключевой характеристикой которого является творческий принцип, открывается возможность перейти непосредственно к исследованию центрального вопроса настоящей диссертации, рассматриваемом в **третьей главе «Гносеология эстетического опыта: сущность и практические применения»**. Здесь решается задача по выявлению такого варианта исследовательской стратегии, который бы давал преимущества в условиях современного кризиса познания, соответствуя определённым представлениям об эстетическом опыте. Материалом для данной главы послужили работы по классической и современной методологии науки. В главе описываются два взаимообусловленных направления анализа гносеологии эстетического опыта: эстетический опыт как предмет гносеологии и гносеология с точки зрения эстетического опыта. Также раскрывается сущность патафизики как особой стратегии познания.

В § 1 «Эстетический опыт как предмет гносеологии» особо отмечается то обстоятельство, что сам по себе творческий принцип как ядро эстетического опыта не проясняет его структуру. Из его формального определения остаётся неясным вопрос о конкретном содержании опыта и его возможности нарушать логику выражения.

В параграфе показывается, что мир, в отношении которого субъект производит опыт, не является пустым, однако и не содержит вещи. Вещи – это лишь формы концептуализации, но не действительных вещей (в противовес дискурсивным), а неоформленных сенсорных данных, т.е. «нечто» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари). Такие данные, стоящие позади вещей, составляют предмет психологии, не касаясь эстетики, которая их «творчески сепарирует» (М. Шелер) так, что обнаружить это можно только при анализе разноплановых дискурсов, в зазорах которых и проявляется чистая сенсорика. Положение о категории «нечто» как возможном содержании опыта также проясняет критическую силу последнего. Именно из «нечто» и истекает возможность смены одного дискурса другим. Это также позволяет яснее различить позицию «субъекта-ничто» в пространстве артикуляции «нечто» Субъект – это точка спонтанного отклонения в поле дискурса-вещей, т. е. артикулирующий знаки клинамен.

Таким образом, в параграфе проясняются свойства эстетического опыта в понимании проанализированных работ соответствующих авторов и предлагается его формальное определение, что открывает возможность рассмотреть эстетическую теорию познания.

В § 2 «Гносеология с точки зрения эстетического опыта» даётся оценка кризисного состояния современной теории познания. Основной проблемой современной гносеологии, которая, на первый взгляд, делает метафизику нигилистичной (М. Хайдеггер), является возможность воспроизвести последнюю как радикально трансцендентное, непознаваемое и от того парадоксальным образом позитивное понятие (Дж. Ваттимо). Сам кантовский гносеологический переворот, иногда именуемый корреляционизмом (К. Мейясу) подводит к этой ситуации. Примером этого может быть тезис эпистемологического анархизма «сгодится всё» (П. Фейерабенд), который понимают так, что сгодится даже позитивная онтология, вопреки исходной деэссенциалистской установки данного положения. Именно здесь актуализируется проблема классической европейской рациональности, проанализированная в первой главе настоящей работы.

В параграфе демонстрируется, что устойчивость позитивной онтологии наличия вызвана необходимостью обосновать мышление для поддер-

жания бинарной оппозиции «истинно/ложно». Без классической онтологической поддержки этой оппозиции возникает «паника мышления» (А. Крокер и Д. Кук). В то же время в теории познания требуется обосновать одновременность возможности как ошибочности, так и достоверности применительно к одним и тем же познавательным способностям. Примечательным является способ, возникающий у Г. Гегеля, который указывал на то, что суждение всегда истинно, исходя из «абсолютной власти в дискурсе», и всегда ложно, исходя из отношения к миру (А. Кожев). Познание нейтрально к достоверности и ошибочности в силу их сопричастия, ведь первое всегда реализуется для субъекта-ничто, а второе для мира-ничто. Вместо бинарной оппозиции «истинное/ложное» в познании выходит на передний план вопрос о пустой реляции сил теорий (Р. Рорти).

Ещё одним истоком этой проблемы, проанализированным в настоящем параграфе, является классическая оппозиция явления и сущности (Ж. Делёз), которая поддерживает иллюзию «загадки мира», существования чего-то, что скрывается позади дискурса (Б. Гройс). Такое ожидание обнаружения онтологического истока создаёт внутри дискурса иллюзорную перспективу бесконечной отсрочки истины (Ж. Бодрийяр). Но оппозиция явления и сущности – это скрытая операция внутри познания (Г. Гегель) и только осознанное признание этого процесса соответствует гносеологии эстетического опыта.

Таким образом, в параграфе были определены условия возможности восстановления принципа внеположности опыта из принципа позитивной онтологии. Этот принцип, дополненный принципом игнорирования субъективного статуса познания, создаёт условия кризиса классической рациональности в современных условиях. Из этого следует, что для возможности успешного преодоления такого кризиса необходимо разработать исследовательскую стратегию, учитывающую указанные принципы и компенсирующие их действие в дискурсе.

Эта задача решается в § 3 «Патафизика как стратегия научного познания в гносеологии эстетического опыта» обращением к такому концепту, как «патафизика» (А. Жарри). Она появилась в начале прошлого века как абсурдистская, сюрреалистическая ирония в отношении академических исследований. До настоящего времени патафизика понималась чаще как художественный феномен, не воспринимаемый сколь бы то ни было серьёзно в институциональной науке. Однако в последнее время в постнеклассической методологии науки на неё обращается особое внимание. По этой причине, определение патафизики как возможной стратегии

научного исследования требует обоснования, лежащего в плоскости деконструкции классической оппозиции: искусства и науки.

В диссертации отмечается, что методология научных исследований практически на всём протяжении XX века (и, отчасти, до сих пор) занималась не столько модернизацией известного научного метода, сколько поиском релевантных моделей описания научной деятельности. Более того, в течении прошлого века исследования по методологии науки вскрыли большое количество предрассудков в данной сфере. Так, например, выяснилось, что научный метод исторически обусловлен (Т. Кун, М. Фуко), не имеет дело с полным выражением теории в её собственном дискурсивном пространстве (М. Полани), сохраняет в себе ряд догматических установок (У. Куайн), не может обосновать сам себя (К. Гёдель).

Исходя из подобной специфики методологии науки в параграфе делается вывод о её крайне противоречивом характере, обилии скрытых допущений, наследуемых самой наукой из предыдущих эпистем. Центральным противоречием науки, со времён её зарождения, представляется гетерономия её целей: познание природы и утверждение власти над природой (Ф. Бэкон). При этом в параграфе демонстрируется следующее обстоятельство: там, где наука придерживается примата власти, она устанавливает свои теории (Б. Латур), способствует собственному продвижению; там же, где она стремится к разгадке тайны природы, она наследует метафизику наличия (Ж. Деррида). Последняя ситуация именуется в рамках диссертационного исследования как «модельное знание», которое трактуется как полагание загадки природы в форме пресуппозиции любого познания. Такое знание предполагает существование формы выражения до самого выражения, а значит ведёт к ситуации логоцентризма (Ж. Деррида), мнимой внеположности дискурсу (Ж. Делёз). Поэтому там, где наука прагматически эффективна, она скорее игнорирует принцип модельного знания (Т. Кун, П. Фейерабенд). Различные примеры в истории науки высвечивают её зависимость от иных форм человеческой деятельности, невозможность развести собственно научную и ненаучную сферу, что свидетельствует в пользу идеи о гетерономии её целей (Б. Латур, Л. Флек).

Другим важным проявлением модельного знания является превалирование идеи логической верификации научного дискурса (К. Поппер, Р. Карнап). Логика и её способность преобразовывать данные может служить лишь ясности выражения и принципу всеобщей сообщаемости. Выдвижение же теорий носит характер интуирования (Б. Кроче), а эмпирика часто используется как инстанция критики, а не обоснования (П. Фейерабенд).

По этой причине, требуется переосмысление идеи о том, что доказательство теорий осуществляется в поле логики и подтверждается опытом (П. Фейерабенд, Ж. Бодрийяр). Эмпирика обслуживает лишь селекцию теорий (но ситуативно, каждый раз конкретная функция эмпирики определяется ad hoc), а порождает теории художественное воображение. По этой причине диспозиция «наука-искусство» — мнимое различие, не присущее науке даже на уровне её повседневного функционирования. Попытка же мыслить различие науки и искусства через критерий цели, присущий её предмету, отвергается самой наукой (О. Конт).

Таким образом, в параграфе было продемонстрировано, что патафизика, будучи стратегией исследования (условно относимая к идиографическому подходу), скрытым образом уже присутствует в науке как её развитая тенденция, по причине того, что вышеобозначенный ряд положений науки формально совпадает с положениями самой патафизики (Э. Хьюгил). В параграфе обосновывается ценность патафизики как особой стратегии познания, оберегающей от «агрессии догматизма и меланхолии скептицизма» по мнению А. Крокера и Д. Кука, присущих европейской рациональности.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы, определяются перспективные направления исследований по разрабатываемой теме.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях журналов входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК:

1. Егоров, П.А. Понятие эстетического опыта в свете теории священного Р.Отто / П.А. Егоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2024. — Т. 40. — № 2. — С. 309-319.

2. Егоров, П. А. Проблема построения эстетической аксиологии в свете эстетического опыта / П.А. Егоров // HORIZON. Феноменологические исследования. — 2024. — Т. 13. — Вып. 2. — С. 399-418.

3. Егоров, П.А. Фундаменталистская проблема в эпистемологическом анархизме и её преодоление в эстетическом опыте / П. А. Егоров // Идеи и идеалы. — 2025. — Том 17. — №2, ч.1. — С. 71-86.

Прочие публикации по теме диссертационной работы:

4. Егоров, П.А. Политика Желания Ж. Делёза как проект Транс-Просвещения / П.А. Егоров // Гуманитарные чтения в политехническом университете: Труды Всероссийской очно-заочной научно-практической студенческо-аспирантской конференции, Санкт-Петербург, 16 февраля 2017 года / Ответственные редакторы С.Е. Кулик, Е.А. Самыловская. — Санкт-

Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2017. — С. 158-162.

5. Егоров, П.А. Разложение знака как форма современной мистики (от Маркиза де Сада до Светланы Басковой) / П.А. Егоров // *Terra Aestheticae*. — 2018. — № 1. — С. 114-124.

6. Егоров, П.А. Утрата ясности представления в эстетике / П.А. Егоров // *Terra Aestheticae*. — 2020. — №1 (5). — С. 112-138.

7. Егоров, П.А. Проблема использования категории противоречия в конфликтологии / П.А. Егоров // *Конфликтология*. — 2023. — Том 18. — № 1 — С. 51-69

8. Егоров, П. А. Эстетический опыт в политической философии А. Кожева: к осмыслению практики и теории тотального государства / П. А. Егоров // *Социум и власть*. — 2023 — № 4 (98) — С. 21-36.